

С ПИСЬМЕННОГО
СТОЛА
ПИСАТЕЛЯ:
рассказ

*Альбина
Жури*

Забастовка

– НЕ НАЧАЛИ ещё? – пропыхтел завскладом Гасимов, с трудом втискивая своё грузное тело в соседнее кресло. – А то уж думал, опоздаю.

Бессонов покачал головой: нет, не начали. Но Гасимов этого не видел – уже нашёптывал что-то бухгалтерше Камилле, которая сидела впереди. Про премию, наверное, спрашивал. Её должны были выплатить на майские, да всё ещё не дали почему-то, хотя сегодня тридцатое апреля.

В небольшом зале, где обычно проводились собрания, презентации и корпоративные вечеринки, собрался весь славный коллектив, сорок человек: и «производственники», и «офисные»... Сотрудникам объявили, что руковод-

ство собирается сделать важное заявление.

Правда, гендиректора Колесова почему-то не было – в президиуме деловито перебирали бумажки главбух Светлана Игоревна, первый заместитель Шамиль Ринатович и коммерческий директор Павел Аркадьевич.

– Все в сборе? Можем начинать? – спросил Шамиль Ринатович.

Голос у него высокий, жеманный, манеры суетливые. Залысины, худоба, очки в старомодной оправе, пиджачок... Можно подумать, забытый он и слабозвоновый, но это далеко не так. Более расчётливого и хладнокровного человека ещё поискать, и вряд ли найдёшь. Он из породы людей, которые, делая

гадости, никогда не смотрят в лицо собеседнику.

Бессонов то и дело возвращался мыслями к Шамилю Ринатовичу – а всё потому, что тот был ему глубоко неприятен, даже отвратителен. Удивительно, конечно, но именно о недругах и негодах мы обычно думаем куда охотнее, чаще, больше, чем о друзьях. Наверное, таким образом ищем оправдание или подпитку своей неприязни.

– Давно пора! Праздник на носу, короткий день, а мы тут сидим! В духоте! – громко сказала уборщица Рашида-апа.

Счастливый человек: может себе позволить ляпнуть какую угодно грубость или глупость. Ей не нужно опасаться конкуренции, делать карьеру и заискивать перед начальством. Тот, у кого ничего нет, кому ничего не нужно, свободен и независим.

Светлана Игоревна кисло посмотрела в её сторону и поджала губы.

– Начнём тогда. – Замдиректора откашлялся в сухонький кулачок и взял в руки листок бумаги, выставив его перед собою, как щит. – Прежде всего, дорогие коллеги, хочу поздравить вас с наступающим праздником и пожелать всего самого наилучшего. От себя лично и от всех нас! – Он повёл рукой в сторону главбуха и Павла Аркадьевича, и те синхронно качнули головами, соглашаясь. Пусть, дескать, будет у всех всё лучшее – нам-то что, нам не жалко. – К сожалению, Пётр Юрьевич не смог сегодня присутствовать, однако он...

– Давайте ближе к делу, – нервно проговорила Светлана Игоревна. Видимо, ей тоже нужно было домой, как и всем.

Майские праздники – почти такие же долгожданные, как отпуск и Новый год. Длинные выходные вдали от родного коллектива – это ли не счастье?

Шамиль Ринатович заторопился, затрепыхался; листок в его руках задрожал, как флаг на ветру. Он скроил скорбную мину, снова заперхал, всеми силами давая понять, как ему не хочется говорить того, что он собирается сказать.

«Значит, известие какое-то особенно пакостное», – подумал Бессонов.

– Майскую премию зажмут, сволочи! – подтвердил его опасения Гасимов. – Как пить дать!

– Да не нагнетайте вы! – шикнула на него офис-менеджер Розочка, вертящая и гибкая, как змейка. – Дайте послушать.

– Ну, слушай, слушай! – Гасимов вскинул ладони и подмигнул кому-то.

– Мы с вами нечасто собираемся в полном составе, даже вот с производства наши коллеги приехали...

Тут надо сказать, что «офисные» и «производство» между собой не очень-то ладили, держались каждый своим кругом. Сотрудники управления поглядывали на рабочих свысока, а те, в свою очередь, именовали управленцев «горячим цехом» – мол, с самого утра с чайниками бегают, сидят на нашей шее, да ещё и нос воротят.

Сейчас «производство» расположилось на задних рядах.

– ...в общем, уважаемые коллеги, по поручению Петра Юрьевича Колесова сообщаю вам, что было принято решение снизить процент премиальных на двадцать пять процентов.

Шамиль Ринатович договорил и отложил листок в сторону. Как пишут в романах, воцарилась мёртвая тишина. Гулкая и страшная, как перед грозой. Какое-то время все сидели молча: собрание переваривало услышанное, президиум настороженно ждал реакции.

Тут надо пояснить, что заработок каждого сидящего в зале складывался из двух неравных частей: оклада и премиальных. Оклад был отмерен в точном соответствии с «минималкой», то есть хватало его, практически, только на проезд до работы и обратно. А вот премиальные начислялись в зависимости от оборотов, и были весьма неплохи. Сокращение премии означало, что у людей откусят четвертую часть заработка.

– Ни хрена себе! А с чего это гости понаехали? – раздалось с задних рядов, где сидело «производство».

Правда, формулировали вопрос более конкретно.

– Товарищи, это же не от нас зависит! – храбро вступила в бой главбух. – Как маленькие, честное слово!

Тишина треснула и развалилась на куски. Все загомонили разом, зажужжали, как сердитые осенние мухи. Поворачивались друг к другу, призывая один другого в свидетели. Из общего гула вырывались слова «ипотека», «к празднику» и «оборзели».

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – сказала сидящая слева от Бессонова кадровичка Соня.

– Бред какой-то! – фыркнула технолог Алла Витальевна, обернувшись и смерив Бессонова гневным взглядом, словно он лично нёс ответственность за случившееся.

– А кем оно было принято? Решение? – громкий вопрос перекрыл прочие выкрики.

Как тут же выяснилось, исходил он от Бессонова. С ним время от времени случалось такое: вроде и тихоня, и говорить ничего не собирается, а вдруг возьмёт и скажет.

– В каком смысле? – Светлана Игоревна поправила безупречно прилизанную причёску.

– Шамиль Ринатович сказал: «было принято решение», – пояснил Бессонов. – Я хотел бы знать, кем. Лично я в этом не участвовал.

– Да, кем? – выкрикнул Гасимов, приподнявшись на стуле.

– Руководством, – отрубил Светлана Игоревна.

– Но мы с вами, конечно, должны всё обдумать и одобрить, – быстро вставил Шамиль Ринатович.

– Ага, нас обворовали, а мы ещё одобрить должны. Что, без нашего одобрения хуже кушается? Мать честная, вот же сладко живём, аж зубы сводит! Слаще некуда! – не желал успокаиваться Гасимов.

Кругом снова загомонили, перебивая друг друга.

Тут надо пояснить, что небольшое предприятие, где они трудились, назы-

валось «Сласти», а производили здесь нугу, патоку, карамель. Главный слоган фабрики звучал ожидаемо: «Мы сделаем вашу жизнь слаще».

– Послушайте, вам одним, что ли, легко? – возмутился коммерческий директор. – Продукцию сбывать всё труднее, покупателям найти сложно. Убытки! А вы говорите – премию!

В группе производственников началось шевеление, вскочила тщедушная женщина крошечного роста. Коротко стриженные волосы плотно облепляли череп, отчего казалось, будто на голове у неё чёрная блестящая шапочка для бассейна.

– Так сбывайте! Крутитесь! Мы работаем, как лошади, а они продать не могут! Безобразия! Вот им и снижайте, а мы при чём? – Голос у женщины, несмотря на маленький рост, был внушительный: басовитый и гулкий. Говорила она громко и при этом взмахивала руками, словно собираясь взлететь.

Присутствующие, не сговариваясь, повернулись в сторону работников отдела сбыта и маркетинга – Виктора и Виталия. Они всегда держались вместе и были похожи, как близнецы: оба тощие, кадыкастые, очкастые. Устав их различать, все стали звать маркетологов просто – Ви-Ви.

Услышав выпад в свой адрес, Ви-Ви переглянулись и ринулись в атаку:

– Да у нас телефон не смолкает! Как мы слоган придумали, продажи в три раза выросли! А когда запустили компанию «Сласти – здрасьте!», так...

– И вообще, что значит «сбывать трудно»? Кто в конце года рапортовал о растущих объёмах и процентах роста? – подколола кадровичка Соня. – Мы все слышали! Вот в этом самом зале!

– Точно! – грохнуло «производство». – В этом зале!

– Интересно, руководство тоже меньше будет получать? Или им из наших премий возместят? – тонко, но звонко спросила Алла Витальевна.

– Да, вот именно! Себя, небось, не обидят! – снова дружной волной под-

нялось «производство». – А на народ ваять! С претензиями!

– Друзья! Уважаемые коллеги! – Шамиль Ринатович почувствовал, что разговор пошёл в опасном направлении и поспешил вмешаться. – Все работали хорошо, претензий ни к кому нет! Но общее состояние экономики в условиях санкций и спада, сложная ситуация в сфере... Покупательная способность... – Он забуксовал, не зная, что сказать, и беспомощно оглянулся на коллег по президиуму.

– Надо войти в положение! – пришла на выручку Светлана Игоревна.

– Да мы давно вошли! всю жизнь в этом положении! Колени уже болят! – крикнул кто-то из «производства».

Гомонили ещё полчаса, разговор ходил по кругу: президиум вяло пытался отбивать подаваемые из зала мячи. В итоге, сообразив, что это ни к чему не приводит, руководство сочло за благо ретироваться.

– Все сейчас на взводе, это понятно и объяснимо, – Шамиль Ринатович поднялся с места, снова вцепившись в свой листок. – Давайте вернёмся к разговору после праздников, когда страсти немного улягутся.

Трое из президиума резво двинулись к выходу. Павел Аркадьевич, который был замыкающим, задержался на мгновение, чтобы выкрикнуть:

– Но решение принято, имейте в виду! – И скрылся вслед за остальными.

Некоторое время народ в зале безмолвствовал. Расходиться, судя по всему, никто не собирался.

– Вот уроды! – смачно проговорил Гасимов. – Это же надо, а?!

– Сказали, нужно наше согласие, – справедливо заметила Розочка. – Я вот лично не согласна.

– Так какой идиот согласится? – закричал кто-то с задних рядов.

И снова что-то проснулось и заворочалось внутри Бессонова – какое-то дерзкое, непокорное чувство, требующее выхода. Он встал с места и, перебивая голоса остальных, проговорил:

– Если позволим так с собой обра-

щаться, они нас ещё и приплачивать заставят за то, что на работу приходим. Как в анекдоте. Нельзя этого допустить! Мы честно выполняли свою работу и должны получать нормальные деньги! Пусть себе урезают, что хотят!

– Правильно! – подпрыгнули на месте Ви-Ви, которые ещё не пришли в себя от пережитого, когда на них чуть было не свалили всю вину.

– Что предлагаешь? – коротко спросил кто-то из рабочих.

– Предлагаю забастовку.

– Ну прямо Ленин! Только без броневика! – хохотнула Рашида-апа.

Бессонов слегка покраснел и продолжил:

– Раз они про согласие заикнулись, значит, им наши подписи нужны для отчёта. Не подписывать – это раз. А ещё – не выходить после праздников на работу.

– Как это? Прогул же засчитают! – ахнула Алла Витальевна.

– Если никто не выйдет, не засчитают. Что они, всех разом, что ли, уволят? Кто тогда работать будет? Пока новых наберут, пока то да сё – производство встанет. Если объединимся и вместе выступим, ничего они нам не сделают!

– Да! Парень дело говорит! – снова вскочила с места и замахала руками маленькая женщина с гулким голосом. – Вместе мы сила! Не выходим после майских, ничего не подписываем! Всех не пересажают!

Слова эти всколыхнули общественность. Всё же в зале находились потомки тех, кто выковал Великую победу и дошёл до Берлина.

Бессонов ощущал себя главнокомандующим. К нему подходили, хлопали по плечу. «Производство» по очереди жало руки, девушки строили глазки.

– А ты молодец, – сказала Соня. – Даже не ожидала от тебя.

– Пусть попробуют! – Что именно нужно «пробовать» Гасимов не уточнил, но было и так понятно. – Бессонов отлично придумал. Мужик!

Ви-ви радостно улыбались, будто

им уже пообещали увеличить премиальные.

Майские праздники длились в этом году четыре дня и стали для Бессонова временем настоящего триумфа. В первые два дня телефон не смолкал: то и дело звонил кто-то с работы, поздравлял, говорил, как они все вместе покажут «козлам» из правления.

Бессонов чувствовал себя координатором штаба. Он впервые в жизни сделал что-то для блага коллектива, радел за общее дело, отстаивая чужие интересы. Чувствовал свою причастность к чему-то большому и важному, а потому ощущал не только гордость, но и неиспытанную прежде любовь ко всем этим замечательным людям, которые стихийно выбрали его своим лидером, прислушались к его мнению и готовы были пойти по предложенному им пути.

«Может, у меня впереди политическая карьера?» – спрашивал себя Бессонов, и открывающееся перед мысленным взором будущее казалось перламутрово-прекрасным, переливающимся самыми светлыми красками.

К последнему дню выходных звонки смолкли, воцарилось напряжённое молчание. Бессонов ходил из угла в угол, литрами пил воду и нервничал. Завтра рабочий день – а значит, старт забастовки. Решающий, переломный день. Пробуждение самосознания.

Будильник не прозвенел, но Бессонов всё равно проснулся в положенное время. Дёрнулся было в сторону ванной комнаты – пора было умываться, чистить зубы, бриться, собираясь на работу – но пригвоздил сам себя к кровати. Никуда ему сегодня не надо!

День покатился вперёд час за часом. Бессонов постоянно порывался взяться за телефон, позвонить бастующим соратникам, но не делал этого: руководитель движения не должен показывать, что психует, переживает и боится, а голос мог его выдать.

В половине второго раздался звонок. Высветился городской номер – «Сласти» на проводе. Сердце подпрыгнуло и кувыркнулось в районе горла.

«Наверное, поняли, что никто не придёт, стали всех обзванивать», – ликующе подумал Бессонов, снимая трубку и ожидая услышать голос кого-то из руководителей предприятия.

Однако он ошибся. Звонила Розочка.

– Бессонов, ты где? – поинтересовалась она.

– А ты где? – тупо спросил он, не понимая, что Розочка забыла в офисе.

– Тут. На рабочем месте. Меня просили узнать, когда появишься.

Она пыталась говорить требовательно и сурово, но голос выдавал, вибрировал – может, от чувства вины? Бессонов вспомнил, какая Розочка изворотливая, хитренькая, хотя и красивая.

– Кто тебя просил узнать насчёт меня? Начальство? А ты зачем вышла вообще? Мы же договаривались!

– Ни о чём я с тобой не договаривалась, – перебила девушка. – Покричали, пар выпустили – и разошлись. Только ты, как дурак...

– Что – я? – Горло Бессонова как будто выстлало сухими колочками. Он тяжело сглотнул и договорил: – Хочешь сказать, все вышли, кроме меня?

– Само собой. – Видимо, она услышала прозвучавшее в его тоне потрясение и сжалась над несчастным. Понизив голос, Розочка быстро проговорила: – Тебя с утра никто не искал, сейчас только Шамиль Ринатович велел найти. Могу сказать ему, что ты болеешь, не сможешь сегодня прийти.

Рот Бессонова наполнился горечью.

Он хотел ответить – и не смог. Нажал отбой.

Подумал секунду и набрал Гасимова.

– Алло, – отозвался тот.

– Ты на работе, значит? – скрипучим голосом спросил Бессонов.

Гасимов откашлялся.

– Старик, ну что ты, всерьёз, что ли? Одно дело – на собрании орать, другое – работу потерять. Уволили бы меня, где бы я работу нашёл? Безработица

знаешь какая? А мне уже почти сорок! Так меня везде и ждут, ещё и без высшего образования.

– Штрейкбрехер, – выплюнул Бессонов.

– Я тебя, между прочим, не обзывал, – обиженно засопел Гасимов.

– Это не ругательство. Это значит изменник, предатель общих интересов. Тот, кто работает во время забастовки и срывает её.

– Да что я, один, что ли? – возмутился Гасимов. – Странный такой! Все вышли!

– А если бы сделали, как положено, всё получилось бы!

Гасимов вздохнул со стоном, как больной пёс.

– Ты как маленький, честное слово. Подумай головой: кто бы не вышел? Алла Витальевна? Соня? Розочка? Эти, что ли, с производства? Да все как штык тут были! Врут же как дышат! Как таким доверять?

– Вышли, потому что каждый так подумал про другого: этот точно подведёт! Потому и живём в такой заднице. Каждый сам за себя, а они сверху – и очень даже сплочены против нас.

Бессонову стало противно – и Гасимов противен, и вся паточно-приторная компания «Сласти». Глупая, конечно, ситуация, и глупее всех в ней выглядит именно он.

Помолчали.

– Кончай дурить, – примирительно сказал Гасимов. – Ладно хоть не сократили, а только премию урезали, и на том спасибо. Хозяин – барин. Вроде, я слышал, оклад обещают немного поднять. Хоть что-то.

– Хоть что-то, – эхом откликнулся Бессонов.

– Вот и я о том! – приободрился Гасимов. – Плетью обуха не перешибёшь. Работать надо: кредиты...

– Погоди, – внезапно вспомнил Бессонов и подумал, что не всё потеряно, – а подписи? Сказали же, подписи нужно!

– Розочка сегодня утром раздала всем. До конца рабочего дня велели подписать и сдать. Некоторые уже сдали.

– И ты подпишешь?

– Опять ты за своё! – Гасимов, похоже, терял терпение. – Куда я денусь! Чего дурачка-то из себя строишь: и без нас всё сделано, подписи – формальность. Давай-ка приходи на работу...

– Я увольняюсь, – сказал Бессонов и повесил трубку.

Не собиравшись говорить, но в очередной раз что-то внутри заставило его открыть рот и произнести эти слова.

А когда сказал – понял: всё правильно, именно так и нужно поступить. Не сможет он появиться в офисе, прийти, как ни в чём не бывало, делать вид, будто всё нормально.

Телефон зазвонил снова, Бессонов глянул на номер и выключил мобильник. Подошёл к окну, посмотрел на людей, деловито бегущих по улице, и вспомнил мамины слова: «Вечно тебе больше всех надо! Все не в ногу, один ты – в ногу!»

– Такой уж уродился, – ответил он матери, которая жила в посёлке под Казанью. – Не переделаешь.

На душе стало полегче. Нет, Бессонов не гордился своей смелостью и находчивостью, как тогда, на собрании, – с той поры он, кажется, поумнел. Просто понял, что и один в поле порою вполне может оказаться воином.

Иногда кто-то должен им быть.

Сербия, 2021